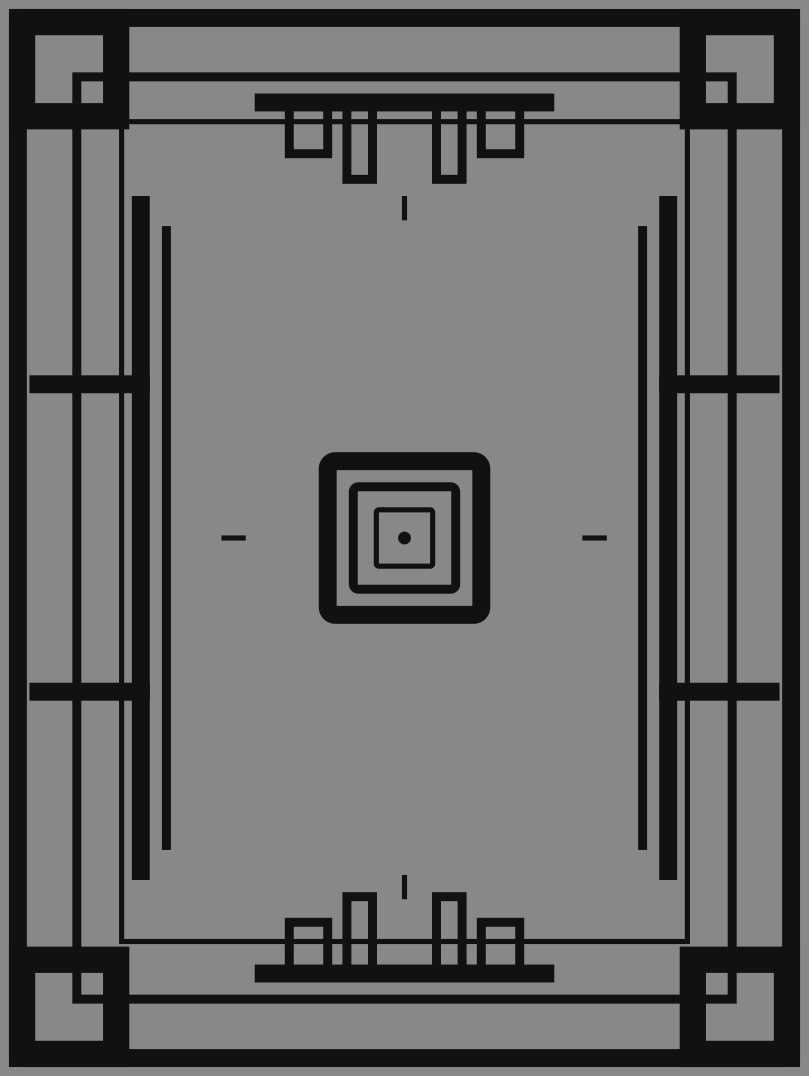

Осколки голографической розы
Уильям Форд Гибсон

Аннотация
Уильям Форд Гибсон. Осколки голографической розы

Аннотация

Это небольшая история про новый вид развлечения – симстим, разновидность виртуальной реальности. Причём действие происходит в декорациях разрухи и военного положения после новой гражданской войны в США.

Уильям Форд Гибсон
Осколки голографической розы

Тем летом Паркера мучила бессонница. Временами в сети падало напряжение, и внезапные сбои дельта-индуктора болезненно резко выталкивали его в сознание.

Чтобы не просыпаться, он чёрной изолентой примотал индуктор к работающей от батарей деке ВСВ и с помощью переходников и миниатюрных зажимов-крокодилов замкнул их друг на друга. Потеря тока в индукторе переключала деку на реверс.

Однажды он купил по случаю кассету ВСВ, которая начиналась с того, как субъект засыпает на пляже. Записывал её молодой светловолосый йог с охватом зрения двадцать на двадцать и невероятно острым восприятием красок. Парнишку отвезти на Барбадос с единственной целью подремать и проделать утреннюю зарядку на мелком песке частного пляжа. Микрофиша в прозрачной ламинированной обложке кассеты поясняла, что одной лишь силой воли йог способен заставить себя пройти через «альфу» к «дельте». Паркер, который уже два года не мог спать без индуктора, ещё удивился тогда, как такое возможно.

Ему лишь однажды удалось высидеть весь фильм, хотя теперь он уже знал каждое ощущение на протяжении пяти субъективных минут.

Самым интересным фрагментом в последовательности кадров ему казался незначительный промах редактора в начале рутинных дыхательных упражнений: беглый взгляд вправо, вдоль белого пляжа, выхватывает фигуру охранника, патрулирующего проволочную изгородь… чёрный автомат переброшен через плечо.

Пока Паркер спал, из энергетических систем города утекало электричество.

Переход от дельты к дельта-ВСВ — тёмное вторжение в чужую плоть. Привычка смягчает шок… Холодный песок под обнажёнными плечами. В утреннем ветерке штанины потрёпанных джинсов хлопают по голым коленям. Скоро парнишка окончательно проснётся и примется за свою «Ардха-Матсиендре-что-то-там». Чужими руками Паркер стал нащупывать в темноте деку ВСВ.

Три утра.

Сварить себе кофе, светя в чашку фонариком, пока наливаешь кипяток.

Записанные утренние сны тают: увиденный чужими глазами тёмный плюмаж кубинского парохода бледнеет вдали вместе с горизонтом, к которому он карабкается, переползая с волны на волну, по серому экрану сознания.

Три утра.

Дай вчерашнему дню расположиться вокруг тебя плоскими схематичными зарисовками. Что говорил ты… что сказала она… смотрел, как она собирает вещи… набирает номер такси. Как ни перетасовывай, они всё равно складываются во всё тот же замкнутый круг распечатки, иероглифы сходятся на центральном компоненте: ты стоишь под дождём, кричишь на таксиста-рикшу.

Лил дождь цвета мочи — кислотный и кислый. Водитель обозвал тебя задницей, а заплатить всё равно пришлось вдвое. У неё было три места багажа. В респираторе и защитных очках рикша походил на муравья. Нажимая на педали, он исчез за пеленой дождя. Она не обернулась.

Последнее, что ты видел, — гигантский муравей, показывающий тебе средний палец.

Первый в своей жизни аппарат ВСВ Паркер увидел в одном из техасских мусорных городков. Городок назывался Джунгли Джуди. Паркер хорошо помнил массивную консоль, заключённую в оболочку из дешёвого пластика под хром. За скормленную в прорезь десятидолларовую банкноту получаешь пять минут гимнастики в невесомости на швейцарском орбитальном курорте: качаешься себе по двадцатиметровым перигелиям в обнимку с моделью журнала «Вог»

шестнадцати лет от роду. Вот уж действительно ходовой товар в Джунглях, где достать пистолет было проще, чем принять горячую ванну.

Год спустя, с фальшивыми документами, он оказался в Нью-Йорке под Рождество, когда две ведущие фирмы выбросили на прилавки универмагов первые переносные деки. Порнотеатры ВСВ, так буйно, но кратко расцветшие в ту пору в Калифорнии, так и не оправились от их натиска.

Исчезла и голография. Раскинувшиеся на целые кварталы фуллеровские купола, эти голохрамы времён детства Паркера, превратились в многоэтажные супермаркеты или приютили ряды игровых компьютеров. В их закоулках ещё можно отыскать старые консоли под потускневшими неоновыми надписями: «ВЕРОЯТНОСТНОЕ СЕНСОРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ», которые пульсируют сквозь голубую завесу сигаретного дыма.

Теперь Паркеру тридцать, и он пишет покадровые сценарии для ВСВ-вещания, программируя движение глаза, этой человеческой видеокамеры индустрии иллюзий.

Частичное затемнение продолжается.

В спальне Паркер колотит по клавишам на обтекаемой алюминиевой поверхности своего «Сендаи Мастера Сна». Навигационный ого-

нёк мигает, потом дека погружается во тьму. С чашкой кофе в руке Паркер тащится по ковру к шкафу, который она опустошила вчера. Луч фонарика ощупывает в поисках улик любви голые полки, находит сломанную застёжку на кожаном ремешке, кассету ВСВ и открытку. На открытке — отражённая в белом свете голограмма розы.

У кухонной раковины он скармливает ремешок мусоропроводу. Вялый в затемнении, тот жалуется, но проглатывает и переваривает. Аккуратно держа за уголок, Паркер подносит голограмму к вращающимся челюстям. Железные зубы разрезают ламинированный пластик, мусоропровод обиженно скрежещет — и вот роза разлетается на тысячу осколков.

Час спустя он сидит на неприбранной постели и курит. Её кассета вставлена в деку, готова для просмотра. Плёнки женщин обычно сбивают его с толку, но он сомневается, что именно по этой причине он медлит сейчас запустить машину.

Приблизительно четверть всех пользователей ВСВ испытывает некоторый дискомфорт, пытаясь ассимилировать субъективное тело противоположного пола. Звёзды вещания ВСВ становятся в последнее время всё более андрогинными, чтобы привлечь и эту часть аудитории. Но записи

самой Анджелы никогда раньше не отпугивали его. (А что, если она записала любовника?) Нет, этого не может быть — просто неизвестно, какого качества кассета.

Когда Паркеру было пятнадцать лет, родители подписали за него контракт на стационарное обучение в одной из дочерних компаний японского синдиката по производству пластмасс. В то время он считал, что ему крупно повезло: конкурс заявлений на обучение был просто огромен. Три года он прожил в казарме, распевал по утрам гимны компании, и раз в месяц ему, как правило, удавалось выбираться за заграждение центра на поиски девочек или голодрома.

В контракте значилось, что обучение окончится в день его двадцатилетия. Выдержи Паркер до конца, он приобрёл бы право на полный статус служащего. За неделю до того, как ему исполнилось девятнадцать, с двумя украденными кредитными карточками и сменой одежды, он в последний раз вышел за ограду. В Калифорнию Паркер прибыл за три дня до падения диктатуры «Новых Раскольников». В Сан-Франциско метались по улицам, стреляя друг в друга, какие-то военизированные политические группировки. Все четыре «временных правительства» города

провели такую эффективную работу по запасанию продовольствия, что почти ничего нельзя было достать.

Последнюю ночь революции Паркер провёл в подвале сгоревшего дома на окраине Таксона, занимаясь любовью с девчонкой из Нью-Джерси. Та объясняла нюансы своего гороскопа между приступами почти беззвучных рыданий, не имевших, впрочем, ничего общего с тем, что он говорил или делал.

Много лет спустя он вдруг осознал, что понятия не имеет, что толкнуло его разорвать контракт.

Первые три четверти кассеты пусты. Нажимаешь клавишу, чтобы на скорости перемотать себя вперёд сквозь статическую дымку стёртой записи, где вкус и запах сливаются в единый канал. На аудиовходе — белый звук, не-звук первичного тёмного океана… (Продолжительное воздействие аудиовхода со стёртой плёнки может вызвать гипнотические галлюцинации).

В полночь Паркер, скорчившись, затаился в кустах у дороги в Нью-Мексико, глядя, как на трассе догорает бензовоз. Пламя освещает белую ломаную линию, за которой он следовал от самого Таксона. С расстояния двух миль взрыв был

виден белым полотнищем жаркого света, превратившего бледные сучья обнажённых деревьев на фоне ночного неба в фотографический негатив их самих: угольные ветви на магниевом небе.

Многие беженцы были вооружены.

В кислотных дождях Залива дымились кострами их мусорные города. Этим-то поселениям и был обязан Техас тем шатким нейтралитетом, который ему удавалось сохранять среди расколовших Побережье группировок.

Городки сооружались из кусков фанеры и картона, листов раздувавшегося на ветру пластика и остовов мёртвых автомобилей. Поселения носили идиотские фарсовые названия вроде Город Прыгай или Сластёна. Имевшиеся в них правительства лишь с большой натяжкой можно было назвать таковыми, как, впрочем, и их территории, которые непрестанно дрейфовали в переменчивых ветрах теневой экономики.

Федеральные войска и войска штатов, которые посылались, чтобы смести города изгоев, редко находили хоть что-нибудь. Но после каждой такой экспедиции на перекличке несколько человек не отзывалось. Кто-то продавал своё оружие и жёг форму, другие же слишком близко к сердцу принимали контрабанду, которую их

посылали искать.

Через три месяца Паркер решил, что надо выбираться, но обеспечить безопасный переход через армейские кордоны мог только товар. Удача ему улыбнулась чисто случайно. Однажды вечером, огибая завесу сального кухонного дыма, низко висевшую над Джунглями, он споткнулся и едва не упал на труп. Тело женщины лежало в русле пересохшего ручья. Мухи поднялись, было, сердитым облаком, но потом сели, не обращая на него внимания. На женщине была кожаная куртка, а по ночам Паркер отчаянно мёрз. Покопавшись в свалке вдоль бывшего ручья, он отыскал длинную палку.

В спине куртки, прямо под левой лопаткой, зияло аккуратное круглое отверстие размером с карандаш. Подкладка куртки, когда-то красная, теперь совершенно почернела, стала жёсткой и блестящей от запёкшейся крови. Подцепив куртку на конец палки, он отправился на поиски воды.

Куртку Паркер так и не постирал: в левом кармане нашлась почти унция кокаина, аккуратно завёрнутая в полиэтилен и прозрачную хирургическую плёнку. А в правом оказались пятнадцать ампул «мегациллина-Д» и десятидюймовый кно-

почный нож с роговой рукоятью. Антибиотик стоил вдвое дороже кокаина.

Нож он всадил в гнилую колоду, пропущенную сборщиками топлива из Джунглей, и повесил на него куртку, которую, стоило ему отойти, тут же окружили мухи.

Той же ночью в баре с рифлёной жестяной крышей, ожидая появления одного из «юристов», которые прокладывали проходы через кордоны, он впервые в жизни опробовал модуль ВСВ. Аппарат был огромен, весь из неона и хрома, и владелец очень им гордился: толстяк собственноручно помогал потрошить грузовик.

> Если хаос девяностых годов отражает радикальное смещение в парадигмах визуальной грамотности, а именно окончательный отход от традиций доголографического общества Ласко и Гутенберга, то чего следует ожидать от этой новейшей технологии с её обещаниями дискретного кодирования и последовательной реконструкции всей шкалы сенсорного восприятия?

Роубук и Пирхэл. Новейшая история Америки: Системный обзор.

Скоростная перемотка сквозь бормочущее невремя стёртой записи в…

…в её тело. Солнце Европы. Улицы незнакомого города.

Афины. Греческие буквы вывесок и запах пыли…

…и запах пыли.

Смотреть её глазами (думая о том, что эта женщина ещё не встретила тебя — ты только-только выбрался из Техаса) на серый монумент, на лошадей из камня, с которых взлетают вверх и кружат вокруг голуби… и статика охватывает любимое тело, стирает до серости и чистоты. Волны белого звука разбиваются о пляж, которого нет. И плёнка кончается.

Горит огонёк индуктора.

Паркер лежит в темноте, вспоминая, как водопадом осколков рассыпалась голограмма розы. Это свойство присуще любой голограмме — подобранный и должным образом освещённый, каждый осколок покажет полное изображение. Проваливаясь в дельту, он видит в розе себя:

каждый разрозненный фрагмент воспоминаний несёт в себе целое, которого он никогда не знал… Украденные кредитные карточки… выжженный пригород… сочетания планет незнакомки… горящий на трассе бензовоз… плоский пакетик наркотиков… заточенный о бетон кнопочный нож, узкий и острый, как боль.

И думает: так, значит, все мы осколки друг друга и так было всегда? И то мгновение путешествия в Европу, затерянное посреди серого океана стёртой кассеты? Стала ли она теперь ближе или реальнее оттого, что он тоже побывал там?

Она помогла ему получить документы, нашла первую работу на ВСВ. Это их история? Нет, история — это чёрная поверхность дельта-индуктора, пустой шкаф и незастланная постель. История — это его отвращение к совершенной машине тела, в котором он просыпается, если кончается ток, гнев на рикшу и её отказ оглянуться сквозь радиоактивный дождь.

Однако каждый осколок показывает розу под иным углом, вспоминает он, — но дельта накатывает, накрывает его с головой, прежде чем он успевает спросить себя, что именно это значит.

William Gibson. Fragments of a Hologram Rose. 1977.

Перевод с английского Анна Комаринец